

Бочарова Дарья

На Халяву!

«Литнет»

2025

Дарья Б.

На Халяву! / Б. Дарья — «Литнет», 2025

Что если магия не исчезла, а просто прячется в самых обыденных местах? Все началось темной июньской ночью подготовки к зачету по анатомии. Хотелось, чтобы в жизни было все запросто — на Халяву. А получилось, как всегда: Халява обернулась Халявом, зачет — фарсом, а в напарники достался парень с ласковым прозвищем Чудо (сокращено от Чудовища)... А плакаться мне осталось только лучшему мужчине на свете. Ну и что, что он скелет! А здесь можно ознакомиться с замечательным блогем на мою книгу:)))

© Дарья Б., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Зачет на Халяву — нервы в окошко	7
Глава 2. О ночном дожоре и нечистых открытиях	15
Глава 3. О ночных визитах и недобрых знамениях	24
Глава 4. О чудачествах сверхъестественного и облагораживающем труде	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Пролог

Говорят, магии больше нет. Ведьмы исчезли, алхимики потеряли свои знания, а порталы закрылись навсегда.

Но это ложь.

Город помнит.

Магия не исчезла, а просто прячется в самых обыденных местах. В кофейнях, где бариста умеет заговорить бессонницу. На остановках, где каждый третий — не совсем человек. В библиотеке, где книги шепчут на забытых языках...

— Халя-ява! Халя-ява, приди! — звывала я к темноте июньской ночи. — Милая, ну приди! Мне зачет сдавать! Завтра! Нет, уже сегодня!

Я тяжело вздохнула и встала. Из зеркала на меня тарасилось рыжее всклокоченное страшилище. Я показала ему язык. Оно обиделось и повторило. М-да... хоть мне и было двадцать, но, как говорится, студенту может быть сколько угодно лет, а во время сессии он выглядит на все сто.

— Халява! — я снова уселась на пол не первой чистоты и требовательно постучала пальцем по краю пентаграммы. И самокритично добавила, — Эх, оккультистка из меня никудышная.

«И идиотка редкостная, которая кости-то и не повторила», — поддакнула сонная рациональная часть сознания. Ну, кто будет ночью чертить на полу собственной спальни рисунок, который в шутку дала одноклассница?

Нет, ну честно: оккультист из меня был аховый — ага, с натянутой четверкой по планиметрии и детскими мелками брата в качестве атрибутов. Причем Васенька у меня художник широких возможностей и узких взглядов, потому, помедитировав на сточенные мелки, пентаграмму я начертила оптимистично-желтенькую. Вряд ли мне с такими реалиями светила легендарная Халява-божество-зачета.

Катка-однокурсница, правда, велела вообще кровью рисовать, но я альтруист и свою лучше в донорский центр снесу.

— Ха-ля-ва! — последний крик души, и я поняла, что зачет придется сдавать самой. — Ну и фиг с тобой!

И я стала рукой стирать линии, но наткнулась на скрепку от степлера, очень неудачно загнав её под ноготь.

— Вот же!... — много непечатных слов, похоже, стали концом заклинания, потому что недостертая пентаграмма вдруг засветилась почти потусторонним светом (общее впечатление портил желтый оттенок). Пока я вспоминала, что меня угораздило съесть на ужин, рисунок вспыхнул, и в центре появился... кот. Огромный, угольно-черный, с харей жирной, наглой и противной.

— Халява, — опешила я.

«Дура!» — взглядом констатировал кот, тут же задрал заднюю лапу и принялся вылизываться под хвостом.

— Халява, родненькая, — терпеть не могу кошек, но чего ни сделаешь ради зачета? — Можно мне пятерочку по анатомии? Препад — зверь, учебники — соответственные...

Кот продолжал сосредоточенно вылизывать то место, куда могла отправится моя просьба. Через пять минут ожидания ничего не произошло, и гением я не стала.

— Да ну тебя. Брысь!

Ноль реакции. И как быть? Мне, конечно, всегда хотелось животинку, но получить ее вот так... Когда-то в раннем детстве я попросила у родителей собаку. Мне родили сестру.

На просьбу о хомячке я получила брата. Рыбки стали двойняшками. Больше просить я не осмеливалась — ни один материнский капитал не стоит таких нервов.

— Алена Викторовна, — возмутился из-за двери мамин голос, — третий час ночи, ты чем там занимаешься?

— К сессии готовлюсь, — простонала я. Зная маму, можно было с уверенностью сказать, что она сейчас лично придет меня проверить и кошке, мягко говоря, не обрадуется. Но я была научена горьким детским опытом прятания конфет. — Но уже почти сплю!

Через пару минут дверь открылась, мама просканировала комнату и умилилась. Ушла.

Я вылезла из-под одеяла и вытащила из-под себя сплюсненного кота, про себя поражаясь наивности многодетной матери. Откинув с пола коврик, ткнула кошку в центр уже слегка побитой жизнью пентаграммы и отошла полюбоваться результатом. Кошка и не думала исчезать, но смотрела на меня как-то очень нехорошо.

— Халява, уйди! — никакого эффекта, — Экзорциста позову! Да чтоб тебя! Ну, что тут будешь делать?

Мне нельзя было оставлять Халяву у себя, — многодетной семье и без того было туго. Почему-то тот факт, что котяра появился из ниоткуда, а в фильмах по таким картинкам обычно демонов вызывают, меня не трогал, а вот вопрос, что скажет мама и где взять схему сборки кошки после мелких, которые разберут её на составляющие, казался первостепенным. Но кое-что в Халяве меня все же настораживало.

— Спать я не буду, — заявила я кошке и взгромоздилась на кровать под скептическим взглядом... животного. Разумеется, мое бдение продлилось недолго, зато приключений после этой ночи хватило на всю жизнь...

В конце книги есть краткий справочник нечисти и нежити! + если кому интересно поймать мое настроение, то можно послушать трек «Все что касается» Зверей

*Огромная просьба всем читателям не забывать о кнопке комментариев) Это моя первая выложенная на ваш суд история, я волнуюсь, и было бы очень приятно видеть на нее отклик! Кроме того, комментарии мотивируют меня и привлекают внимание новых читателей.
 Так как у меня пока нет блога по правилам Литнет, то ВОПРОСЫ О НЕОБЫЧНЫХ ВИДАХ НЕЧИСТИ И НЕЖИТИ или в общем по книге тоже можно задать В КОММЕНТАРИЯХ, я обязательно отвечу и прикреплю визуалы)*

Глава 1. Зачет на Халяву — нервы в окошко

Утро — сложная вещь, оно едва начинается, а ты уже опаздываешь. Будильник я вчера в ночи, разумеется, поставить не удосужилась, поэтому разбудил меня вопль:

— Аля! Аля! А у тебя сегодня выходной? — прыгала по мне самая младшая из сестер, ангелочек на вид и демон в душе.

— Выходной у твоей совести, — простонала я и зарылась в дебри одеяла, возвращаясь к стаду разноцветных летающих единорожиков (привет сестричкиным мультикам про пони, от которых родню уже тошнит). Единороги манили в волшебные дали, обещая радугу, солнце и почему-то капусту.

— А ты сегодня на уроки не пойдешь?

— Я староста, мне можно не ходить, — зевнула я, соглашаясь с единорогами даже на брокколи, — где куратор другую такую общественно-полезную дуру найдет, если я обижусь?

— А тебя Крокодил съест! — радостно сообщила мне отзывчивая мелочь.

— Не Крокодил, а Сафронов Геннадий Игнатьевич... Светило медицинских наук, почти доктор... Хотя он тот еще аллигатор... Да и завтра мне зачет сдавать! — новый зевок.

— Сегодня! — обрадовали меня.

— Да ладно... что ты... ЧТО?! Мать твою большеберцовую кость! — сестра по красивой дуге полетела на другой конец постели с довольным визгом, а я горошком скатилась с койки. — Караул, Крокодил меня убьет!

Геннадий Игнатьевич, вышеупомянутый Крокодил, приходился мне другом дяди по мужу двоюродной сестры матери и, о ужас, учителем анатомии в универе. То, что мы почти родные, не мешало ему гонять меня, как и всю группу, и в хвост и в гриву. Даже, кажется, наоборот. Возможно, он так мстил мне за пролитое на брюки от Армани смородиновое варенье в тот единственный раз, когда мы с ним виделись вне стен вуза. Но, скорее всего, это была врожденная вредность и, как утверждали парни с потока... Хм... сексуальная неудовлетворенность.

Схватив в зубы зачетку, я бросилась к дверям квартиры, практически снесла их с петель и очнулась только на улице под крик мамы из окна «Молоко вечером не забудь купить!». Про вызванную в ночи Халяву, разумеется, я даже не вспомнила, и вынеслась к автобусной остановке. Тогда мне в первый (и единственный) раз за этот день повезло, потому что посчастливилось в последний момент запрыгнуть в отчаливающий автобус.

— Девушка, оплачивать будете? — странным голосом спросил водитель.

— Конечфно, я законопослужная иногда, — заявила я, выуживая из сумки кошелек (и мясницкий нож, но это мелочи, я с ним по грибы на даче хожу, больно жирные в последние годы, как из Чернобыля).

Водитель — амбал с татухой волка на волосатой груди под тельняшкой — ножу не обрадовался:

— Девушка, вы точно в мой автобус не по ошибке сели?

Я представила лицо Крокодила, если перепутала автобусы и опоздала не на пару минут, а на всю пару, и прорычала сквозь зачетку:

— Молитешь, шоб нет.

Спрятав зачетку, я стала пробираться вглубь автобуса. По ощущениям, вся Москва с ее незарегистрированными пригородами решила воспользоваться одним транспортом, максимально осложняя жизнь ближнему. Нет, ну ладно та бабка с коляской, она каждый день ездит и выбила свое право на место кошелкой на колесиках, но откуда тут неучтенный мужик с воблой?

Автобус качнуло, толпа навалилась на бедную меня. Водитель, открыв в себе Шумахера, заложил обратный крутой поворот, и все качнулись назад, будто играя в «море волнуется

раз». Я не рассчитала и с размаху плюхнулась на чьи-то коленки. Вернее, на угол своей кожаной сумки с брутальными металлическими шипами. Моя попа шипам не обрадовалась. Моя подушка безопасности, по закону подлости оказавшаяся парнем, тоже.

— Извините, — проскулила я, зная свою неуместную меткость. Вряд ли я промахнулась, значит, расслабиться с девушкой несчастный сможет нескоро.

— Фетисова, солнышко, тебя бы в снайперы... — донеслось сдавленное из-за спины. Меня пробрал холодок:

— Нет!

— Нет, не надо в снайперы?

— Нет, скажите, что это не Вы!

— Хорошо, это не я. Солнышко, теперь ты с меня слезешь?

— Не могу, меня зажали, — призналась я и медленно-медленно обернулась, хотя после противного «солнышка» надежды уже не оставалось.

На меня уставилась пара подернутых поволокой глаз: один — голубой, другой — чайно-желтый. Скорее всего, поволока была определена отнюдь не любовным томлением, а углом моей любимой сумки.

— Здравствуйте, Дамиль Аркадьевич, — я жизнерадостно осклабилась, нагло ерзая на коленях друга пресловутого Крокодила. — А что это Вы, как простой смертный, на автобусе?

— Здравствуй, солнышко, — с не менее кроважадной гримасой протянул индивид с ласковым институтским прозвищем Чудо (сокращенно от Чудовища). — Да вот, захотелось пообщаться к массовой культуре.

— То есть пижонская «бэха» в ремонте, — догадалась я, — добро пожаловать в наш тесный и грязный мир обычных людей.

— Я вижу, ты мне рада, Фетисова, — процедил он. — А теперь еще раз, лично для тебя: встань с меня.

— Не могу, — будь подо мной любой другой несчастный, я бы устыдилась, а так только попрыгала под сдавленные стоны. — Если я попытаюсь встать, автобус лопнет.

— Тогда сиди на попе ровно, солнышко, — после этой угрожающей фразы мы погрузились в молчание.

Автобус трясся и подскакивал. В России две беды — дураки и дороги. Я сидела на коленях у первого и мысленно костерила последние и свою шипастую сумку впридачу. Крокодилий друг — увы, не Чебурашка — бормотал мне на ухо не то проклятья, не то нецензурщину и скорбно ойкал на колдобинах да так, что я почти прониклась сочувствием.

Обычно я не злая, но сегодня утро не задалось, а Чудо мне никогда не нравился. Худой, невысокий — меня в берцах на полголовы ниже, а я не каланча — с тонкими чертами лица, он был скорее женоподобен, так что если бы не традиционная мужская стрижка и характер, записала бы в подружки. В институте его недолюбливали: с виду — герой женского романа, а скажет слово — не отмоешься. Что хам, уже не говорю, сейчас все такие, сама грешна.

Еще несколько остановок прошли в молчании, народу поубавилось, и я с удовольствием пересела на освободившееся место. К сожалению, соседнее, и теперь могла любоваться Чудом, хотела того или нет: теснота оставалась ужасной.

— Можно нескромный вопрос, солнышко? — раздалось сладкое на ухо. — Ты к Гене на зачет опаздываешь?

— Не могли помолчать еще полчасика? — я нервно поддернула рукав толстовки, но часов там, конечно, не оказалось. Мне под нос сунули дорогуший Ролекс. До пары оставалось — пролететь сквозь пробки и горной серной взмуть по лестнице до нужного пятого этажа, ибо лифт наверняка издохнет в самый ответственный момент, как и всегда, — Вам доставляет особое удовольствие портить мне настроение?

— Тебе же доставляло особое удовольствие трамбовать сумкой мое, так сказать, мужское достоинство.

К нам из толпы притерлась пресловутая бабка с тележкой и встала рядышком, обвиняюще поглядывая на наглую молодежь. Старушка-божий одуванчик зловеще елозила колесиками своей пыточной машины и выжидающе смотрела на нас. Я так же вопросительно оглянулась на соседа. Тот невинно поднял светлые брови.

Хотелось зарычать, и отнюдь не потому, что я предпочитаю огненных брюнетов, а потому, что этот конкретный блондин — козел!

— Боюсь, Малюгин, понятие мужчины не ограничивается достоинством, — несмотря на невинность происхождения, фамилия Чуда мне казалась матерной, и употребляла я ее с особым наслаждением. — Обычно мужики отрывают задницы от кресел, когда рядом бабушки стоят, — я нехотя отделила собственную настрадавшуюся на шипах пятую точку от сидения.

— Вот спасибо, деточка, — обрадовалась пенсионерка и решила поделиться радостью со мной. — Только за настоящего мужика выйдешь!

Настоящими мужиками я считала только папу и соседского деда Никифора восьмидесяти шести лет, готового ночью переться в зимний лес подкормить волков. Так что для меня пожелание прозвучало, как проклятье. Дамиль Аркадьевич тоже посмотрел на бабку неласково, распознав камень в свой огород, но его воспитания хватило только на:

— Солнышко, если устанешь стоять, можешь снова присесть ко мне на колени. Сумкой кверху.

До своей остановки, хоть она и была конечной, достойный ответ я придумать не успела, потому окатила его волной холодного презрения и гордо почти что «вышла» из автобуса. То, что Малюгину придется сойти тут же, мне и в голову не пришло.

— Девушка, молодого человека своего забыли, — окликнул меня водитель.

Я поглядела назад, желая узреть это мистическое существо, но там был лишь нагло подмигивающий Чудо.

— Как Вы могли подумать, что мы вместе? — напустилась я на растерявшегося мужика.

— Но вы же вместе, — резонно возразил он. Я оглянулась. Малюгин поджидал меня на остановке, в руках у он держал мою сумку, которую я умудрилась забыть.

— Обман зрения.

Продефилировать мимо не вышло, и я неохотно подошла к Дамилю. Небо сочилось как бы дождем, на пару я безбожно опаздывала, сегодня был второй раз в жизни, как мне не посчастливилось поцапаться с Чудом, — не сvezло. Пожеванная мною же зачетка только подтверждала упаднические настроения.

— Чего такая смурная? — молча вручить мне сумку Малюгин никак не мог.

— А Вы почему на автобусе ехали, а не на такси? — На самом деле, я только теперь об этом задумалась. Если студентке комфорт был не по карману, то Дамилю Аркадьевичу автобус — не по статусу.

— Тебя захотелось увидеть, солнышко, — отбрехался оптимист, углядевший солнце в столичном циклоне. Но я и мое внимание ему не светили.

— Пока, — говорить «прощайте» было странно, а на «до свидания» у меня язык не повернулся. В конце концов, позволяет же себе Чудо мне «тыкать» и обзывать солнышком.

С этими мыслями я и умотала, услышав вдогонку:

— Не беги, солнышко. Все равно уже опоздала!

Простучав берцами по десяти пролетам, перед самой аудиторией скорость я подрастеряла, как и боевой дух. Я, конечно, знала, что Крокодил мне ничего не сделает, но воспоминания об увесистом шлепке за брюки были еще свежи, несмотря на десять минувших лет.

— Геннадий Игнатьевич, извините за опоздание...

— Фетисова? — спросил Крокодил, словно не признал, и сморщил холеное лицо с седеющей эспаньолкой. Подумаешь! Я даже при виде Чуда так не кривилась. — Почему опаздываем?

— Фетисова, — скорбно подтвердила я. Мысленно перебирала отмазки: лифт сломался? — не вариант, я на третьем живу; проспала? — правда, но банально; демона вызывала? — недалеко от истины, но препод не поймет. Вернее, поймет, да не так. Потому я ограничилась. — Так получилось.

— Лучше бы у Вас теория получалась, Фетисова, — у Геннадия Игнатьевича явно еще было, что сказать, но его прервало наглое:

— Гена, не бузи. Фетисова ехала со мной, извини, что мы немного задержались.

Я посмотрела на группу и поняла, что моя репутация окончательно загублена. Студенты пилились мне за спину на Малюгина и, похоже, мысленно укладывали нас в одну койку. Сво-лочь!

— Фетисова, садитесь на место. — И к аудитории, — готовьтесь, повторяйте материал. Приду — о пощаде не молитесь, — Крокодил раздраженно подергал себя за пышные усы и, схватив Чудо под локоток, утащил в примыкающую к классу лабораторию.

— Аля, ты что, с нашим Чудовищем шуры-муры крутишь? — набросилась на меня приятельница Катька, по чьей милости я вчера полночи упражнялась в начертательной геометрии.

— Чем он тебя шантажировал? — Люда, в отличие от нашей блондинки, смотрела на мир под более прагматичным углом.

— Вместе в автобусе ехали, — буркнула я, вываливая на стол анатомический атлас, половину канцелярского магазина и треть аптечки. Как говорится, все свое ношу с собой, — И он за это уже заплатился.

На время аудитория погрузилась в деловитое молчание: студенты шуршали конспектами, кто-то досыпал, некоторые отчаялись и клепали оригами из шпаргалок. Я, прикрываясь атласом, снова зыркнула на дверь лабы, но ни Крокодила, ни его дружка видно не было.

— Много этот Малюгин себе позволяет! — не выдержала я еще минут через пять. — Крокодила у нас уводить во время зачета!

— Ему можно, — возразила Людка, не отрываясь от конспекта.

— Что он за шишка, что ему все можно?

— Аль, остынь, ты просто не знаешь, — одернула меня Катька. — И вообще, на самом деле, Дамиль — душка.

— Не гони, — мрачно возразила Люда, — не душка, но и не такой гад, как на первый взгляд.

— Вы с ним что, в свободное время сами крутите? — я подозревала что-то подобное, потому что иногда видела девочек в компании белобрысого вне стен альма-матер. — Как не тошнит?

— Аля, все сложнее, — Людмила, в отличие от нас с Катей, была терпелива и терпима к чужому упрямству, — Мы с Катей и Дамиль вместе работаем после универа. Не дружим, но сотрудничаем.

Мне оставалось обиженно сопеть. На эту загадочную работу меня в свое время не приняли, хоть я честно встряла в очередь по протекции девчонок и почти прошла собеседование. А этого... Малюгина... значит, взяли?

На середине моих невеселых раздумий открылась дверь, и оттуда появился наш Крокодил, еще более недовольный, чем до того, и взгромоздился за учительский стол. Дамиль Аркадьевич явился следом и, прощально помахав классу, ушел.

— Так, — сердитый Геннадий Игнатьевич становился до обидного колким и немногословным, — Все на выход. Заходим по одному. Новикова остается.

Люда обреченно села обратно за парту, а остальные поплелись в коридор. По счастью, Чуда там уже не наблюдалось. И вот потянулись тягостные минуты ожидания. Я пыталась на

коленке вызубрить поганые кости, одноклассники входили в аудиторию. Все мы знали, что у нее есть второй выход, а Крокодил — перестраховщик по части списывания, но тот факт, что никто не возвращался, навевал на оставшихся упаднические настроения.

— Фетисова! — раздалось злое.

— Удачи! — шепнула Катя и подтолкнула меня в спину. Ей-богу, как на битву отправляет.

Разумеется, в кабинете не было ничего страшного, за исключением Крокодила. Тот сурово глядел на меня как, наверно, на полсотни других студентов до этого. Все бы ничего (суровость — перманентное состояние нашего аллигатора), но я всегда была чутка к чужому состоянию, и сейчас мне казалось, что Геннадий Игнатьевич по-настоящему озабочен.

— Геннадий Игнатьевич, у вас все в порядке? — осмелилась наконец спросить я.

Преподал вышел из транса и смерил меня недовольным взглядом.

— У меня, Фетисова, все прекрасно. А вот как у Вас с анатомией? — и Крокодил сделал широкий жест на скелет, распластавшийся на первой парте.

Скелет, к вящему ужасу студентов, был настоящим и до дрожи красивым: благородного цвета слоновой кости, рельефный — все места крепления мышц видны. Где Крокодил его отрыл и зачем, а главное, как такое безобразие позволила администрация — история, покрытая завесой тайны. Часть наших на первом курсе спеклась еще до первого посещения анатомического театра, когда Геннадий Игнатьевич внес на руках очень даже человеческий скелет и объявил:

— Знакомьтесь, студенты, это Константин. Прошу любить и жаловать.

Некоторых особо зелененьких особей после этой пары больше не видели, а Костя превратился в оставшегося лучшего и самого преданного друга. Вот и сейчас он лежал на парте и ухмылялся во все тридцать два, как бы говоря, что у меня все получится. Я была не так уверена, но благодарна за участие.

— У меня с анатомией не очень, — вздохнула я, садясь возле Кости. Тот свесил с парты одну руку на проволочке, и я, чтобы не прослыть невежей, пожала ее в знак солидарности.

— Вот не понимаю я Вас, Фетисова, — вздохнул Крокодил, перешедший из стадии отрицания в стадию «поговорить по душам», — У Вас же талант, вы прирожденный врач и великолепный практик. У вас пациенты встают, когда Вы только водички им в палате подносите. Так что у Вас за катастрофа с теорией?

— Не знаю, — проныла я. Вот поди пойми, меня только что похвалили или поругали, — Я учу!

— Знаю. Ваша матушка говорит, что из учебников не вылезаете, потому и обидно.

Я в шоке вытаращилась на Крокодила. Он что, за моей успеваемостью следит?!

— Ладно, довольно лирики. Начнем с элементарного, погоняю вас по названиям — у вас они чаще всего западают, — Геннадий Игнатьевич был из той страшной категории педагогов, которые могут на зачете, вне зависимости от темы, гонять по всей программе. За такую свою подлость эти преподаватели и бывают на хорошем счету у руководства. — Это что?

— Большеберцовая кость, — вспомнила я свое любимое ругательство.

— А это? И из каких частей состоит?

— Височная кость. 3 части: барабанная, чешуйчатая, — вот тут я начала плыть, — И каменистая?

— Вы это у меня спрашиваете? Программа первого курса!

Меня накрыла паника. Это и впрямь была теория первого курса, а я уже путалась. Что же будет, когда дойдем до микроскопической анатомии? Я начала нервно перебирать пальцы Костиной руки.

— А это? — отчаялся Крокодил вместе со мной.

— Ступня... — промямлила я.

— Не ступня, а стопа! И положите кисть на место! — не выдержал Геннадий Игнатьевич издевательства над экспонатом, — И что же мы будем с Вами делать, Фетисова?

— Поставьте пятерочку, — я поняла, что сейчас меня начнут валить, и решила хотя бы рассмешить Крокодила напоследок, — на халяву.

— Да, я Вам не то что пятерку не поставлю, я Вас сразу на пересдачу отправлю... — начал Геннадий Игнатьевич в возмущении, но запнулся и уставился мне за спину. Примерно с тем же выражением одноклассники смотрели на Дамиля Аркадьевича, когда мы приперлись вместе. Я даже оглянулась, но пресловутого Чуда не обнаружила, зато на подоконнике рядом с обожаемым нашим Крокодилом фикусом топтался подозрительно знакомый черный котик, очень невоспитанно примеривающийся к горшку.

— Ой! Геннадий Игнатьевич, Вы только не волнуйтесь! — на моей памяти, со злополучным растением препод носился разве чуть меньше, чем со скелетом. Если кошка, до ужаса похожая на Халяву, нагадит на этот чертов фикус, а я подвернусь под горячую руку, мне не жить и не учиться, — Я сейчас все исправлю!

И бедный Геннадий Игнатьевич в полном офигении смотрел, как я сиганула к окошку, схватила гадскую кошку, шепнув ей на ухо «Плохо старалась, зачет мне так и не поставили», и выкинула в окно.

— Фетисова, Вы что творите? — взревел опомнившийся Геннадий Игнатьевич, а меня прошиб холодный пот: может, я ошиблась, и это была любимая крокодилова кошка, которая была в своем полном праве гадить под крокодилов фикус??? От страха я, как всегда, начала нести правду-матку:

— Спасая ваш фикус!

— Фетисова, сердца у Вас нет?! Выкидывать животных из окна... Вы же врач!

— Но не ветеринар же! Тем более, тут в полуметре крыша столовой и липа, — я была за справедливость.

Крокодил подбежал ко мне, и мы уже вместе уставились в окно. Кошки, к моему изумлению, там не оказалось, зато и её труп — тоже.

— Фетисова, — схватился за сердце профессор, — Вы хоть понимаете, что наделали?

— Да, вроде ничего крамольного...

— Сгинь! Уйди с глаз моих! Хотя нет, — Геннадий Игнатьевич выудил из кармана идеально отглаженного пиджака доисторического вида кнопочный телефон и, то и дело промахиваясь по кнопкам, набрал номер, — Дима! Ты еще в универе? Забери Фетисову и отвези куда-нибудь, происшествие пятой категории... Куда-куда, да хоть домой, хоть в участок... Хотя лучше ко мне. И глаз с нее не пускай! Надо — в туалет с ней за ручку ходи, но чтоб одна не оставалась!

Закончив на такой оптимистичной ноте, Геннадий Игнатьевич пошел обратно к Косте, видимо, за поддержкой. Я же спешно прикидывала, упекут ли меня в кутузку за жестокое обращение с братьями нашими меньшими и чем мне грозит встреча с загадочным Димой. Ох, да кто ж знал, что Крокодил у нас — зоозащитник!

Не успела моя совесть меня доест, как в аудиторию влетел Дамиль Аркадьевич с диким взглядом. Прежде чем я успела сказать, что, когда придет еще и Дима, нам тут станет тесно, Малюгин схватил меня практически в охапку и увлек в запасной выход. Я настолько не врубилась в ситуацию, что меняхватило только на:

— Ты что, и есть Дима?

— Нет, но Сафронов никак не может этот факт принять.

Вскоре мы были на заднем дворе, где и стояла (видно, еще с вчера) примечательная бежевая бэха. Пригибаясь, как герои под пулями в дешевом боевике, мы кинулись к ней! Малюгин впихнул меня на переднее сиденье и только потом понял, что на водительское. Чертыхаясь,

вытащил и втолкнул на пассажирское, метнув сверху мою сумку. Судя по всему, последняя была дорога его сердцу и пробитому шипам достоинству как память, раз он постоянно ее таскал вместо забывчивой хозяйки.

— Ничего не спрашивай, — предупредил он.

Спорить я не собиралась — с сумасшедшими не спорят — но, уже выезжая со двора, взвизгнула:

— Тормози!

— Что? — Чудо дернулся, как параноик, — Где?

— Что «где»? — я извернулась на комфортабельном сидении, но заветного «чего» не увидела. В непонимании мы с Малюгиным уставились друг на друга, — Я зачетку в кабинете забыла!

— Солнышко, ты совсем?! — гаркнул Дамиль и схватил телефон (последней модели, не чета крокодилъему), — Гена, слышишь? Поставь этой психованной хипстерше зачет! Она меня уже достала!

— Почему это хипстерше? — обиделась я.

— Потому что ходишь в берцах и косухах.

— Да я косуху один раз в универ надевала!

— Заткнись!

Дальше мы ехали в напряженном молчании. Спрашивать что-либо у Чуда я не осмеливалась — никогда не видела его таким взбешенным: и без того тонкие губы поджаты, скулы заострились, а глаза — злые-злые.

— Всё. Прибыли.

Оказывается, Крокодил жил в шаговой доступности от универса, и ехать сюда на машине было, наверное, дольше, чем идти. Только выпендрежник, вроде Дамиля, не постеснялся бы гонять транспорт на такие смехотворные расстояния.

Выбирались из машины мы тем же странным порядком и перебежками перемещались до подъезда под пораженными взглядами бабулек на лавочке. На них Дамиль Аркадьевич тоже глянул воинственно: то ли припомнил утреннюю старушку в автобусе, то ли просто недолюбливал людей в возрасте...

А неплохо, знаете ли, сейчас живут профессора! Квартира у нашего Крокодила располагалась в массивной сталинке, с высокими потолками и барочной лепниной на карнизах. Внутри все было обставлено под старинку, мебелью красного дерева, тяжелой на вид, но уютной и красивой. Пожалуй, владелец, будь он тут, с его идеальным костюмом и эспаньолкой, делавшей его похожим на Джека Воробья, идеально вписался бы в интерьер.

— Проходи, — широким жестом хозяина Малюгин впустил меня на явно дорогой ковер прямо в обуви, но мне моя шея была дорога как память, потому берцы я стянула. Дамиль Аркадьевич, поколебавшись, последовал моему примеру, однако потом, уже без пиетета, прошел в санузел. Верно, терпел всю дорогу, бедненький. Правда, ненадежный он все-таки: Геннадий Игнатьевич же сказал, что даже по зову природы надо ходить вместе. Хотя, как поход в сортир связан с котом, я так и не доперла.

Я же, ничтоже сумняшеся, пошла искать самое важное место в доме после санузла — кухню. Там меня ждало разочарование: Крокодил либо был вегетарианцем, жующим лишь салат, либо готовить не умел от слова совсем, потому что все оборудование в полупустом помещении ограничивалось белоснежными столами вдоль стен, холодильником в нише и электрическим чайником. Печалька. В морозильнике сиротливо зимовала пачка пельменей.

Пока я медитировала на пустое помещение, вернулся Дамиль.

— И что ты тут ищешь, солнышко?

— Смысл жизни и покушать. Когда нервничаю, всегда становлюсь пираньей.

Дамиль фыркнул на мои плебейские замашки, но проделал в точности тот же путь по кухне, что и я. Придя к столь же неутешительным выводам, он вкрадчиво предложил:

— Солнышко... — отойдя от шока, Чудо стал таким же противно-притворным, как и всегда. Пожалуй, в роли ругающегося спасителя девиц, не поладивших с гринписом, он мне больше нравился, — Раз поесть не вышло, может, займемся чем-нибудь поинтереснее? Я знаю, где у Гены спальня...

Голос искусителя обволакивал меня и словно кунал в сахарный сироп... В груди поднялось приятное тянущее томление, и я с придыханием тихо простонала:

— Да...

С предвкушающей улыбкой Дамиль повел меня в спальню, обставленную, насколько мне тогда запомнилось, все в той же благородной красновато-коричневой гамме. Но я видела лишь ЕЕ — огромную двуспальную кровать! Со вздохом блаженства я рухнула на монстра из восточных сказок и сладострастно шепнула:

— Задерни шторы...

Последней моей мыслью было:

«Наконец-то я выплусь!»

Глава 2. О ночном дожоре и нечистых открытиях

Геннадий Игнатьевич явил нам свой лик только ближе к вечеру и застал нас на кухне. Мы с Чудом сидели за пустым столом и, по-братски разделив пакет, хрустели морожеными пельменями.

— Это что за безобразие? — возмутился препод расхищению холостяцкого рациона.

— Когда проснулись, жрать хотелось, как не в себя, — после побудки Дамиль выглядел почти человеком: сонный, взъерошенный, в мятой рубашке и со следом от подушки на щеке. Не знаю, как он отреагировал на мой эпичный «засып», но, очнувшись, я обнаружила его мило посапывающим на соседней подушке. Что могу сказать о нашей совместной околонути? Выпались мы на славу!

— Вам что, жалко? — возмутилась я, нутром чуя, что таки да, жалко.

— Жлоб, — постановил Чудо, отбирая у меня пельменьку.

Геннадий Игнатьевич смерил нас уничижительным взглядом, подошел к одному из столов и откинул крышку. Там была старомодная и газовая, но все же плита:

— А сварить никак?

— А! Ну да... Так, а зачем мы здесь сегодня собрались? — когда стыдно, лучше сразу нападать. — Мне еще сегодня за молоком надо, — вдруг вспомнила я утренний завет мамы.

Геннадий Игнатьевич и Малюгин переглянулись, и препод спросил:

— Ты что, ничего ей не рассказал? За несколько часов?

— А надо было? — глаза паршивца были чисты и невинны. Но Крокодил выглядел так, словно его можно было зачислять в наш клуб нелюбителей Чуда. Дамиль повернулся ко мне, — Солнышко...

— Фетисова... — в то же время начал Крокодил, и меня пробрало:

— Народ, меня Алена зовут! — Крокодил не был готов мириться с моими капризами, потому я скоренько поправилась, — Вернее, Геннадий Игнатьевич, называйте меня по имени вне института, пожалуйста. А для Вас, — я повернулась к Чуду, — я Алена Викторовна.

— Солнышко, ты что, как неродная, по имени-отчеству и на Вы? — парировал тот, — Мы же в одной постели спали, одни пельмени ели...

— Вы в состоянии помолчать? Оба? — не выдержал Геннадий Игнатьевич. Мы послушно умолкли.

— Фетисова, — не внял моей просьбе профессор. — Ты как умудрилась фамильяра вызвать?

— Кого? — я, видно, ослышалась

— Фамильяра, солнышко, фамильяра, — пропел Малюгин, — Ты же умная девочка, сама додумашь.

Я переводила взгляд с одного на другого — уважаемого профессора и типичного представителя золотой молодежи — и тихо офигевала. Конечно, я все поняла и даже не слишком-то удивилась, но...

— Я не мальчик со шрамом, в замок к черту на куличики не поеду. Мне универа за глаза хватает.

— Выросла ты из замков и волшебных палочек. Хотя, спасибо мадам Роулинг, объяснять современным детям концепцию ворожбы не нужно... Так как ты получила фамильяра?

— Это Халяву-то? — дошло до меня. — По пентаграмме вызвала, мне Катька Авдеенко рисунок дала, — сдала я подругу с потрохами.

— Халяву? Авдеенко дала рисунок? — было ощущение, что Крокодил вот-вот сляжет с приступом. — Сама?

— Ну да...

Крокодил молча вышел, роясь в телефоне. Похоже, пошел песочить Катку.

— Солнышко, я в восхищении, — Малюгин развалился на стуле. — Ты и впрямь, как говорит Гена, прирожденный практик. В курсе, что фамильяра полковена порой не может вызвать?

— Не в курсе, — я в уме взвешивала, на какой срок потянет неучтенный фамильяр. Филей мне подсказывал, что на большой.

— Теперь знаешь, — не смутится Малюгин. — Давай я тебя кратенько просвещу, пока Гены нет. Ты, главное, не волнуйся, а то вредно это. На вот, пельмешку съешь.

Я как в трансе взяла протянутый пельмень и захрупала им в ожидании рассказа. Горесказитель приосанился. Как это у него получилось с учетом-то позы? Небось, магия...

— У нас тут все просто. Каждый третий-четвертый не совсем человек. Обычное дело. Ты вот — ведьма, причем вся из себя классическая, в средневековые первая стояла бы в очереди на аутодафе. Есть еще ведьмаки и нежить, и ее немало. Живем мы все обычной жизнью, но чуть лучше...

— Долго?

— Что долго? — Чудо за моим полетом мысли не угнался.

— Живете долго?

— Да нет, как все. Богатство также не прилагается. Здоровье покрепче, но мы и чаще порчи от своих же хватаем.

— И замка нет? — на всякий случай уточнила я.

— Нет, — усмехнулся Дамиль, но не как обычно, а почти по-доброму, понимая.

— А какие плюшки?

— Вы обладаете ворожбой, — вернулся на кухню Геннадий Игнатьевич, — Это огромная ответственность...

— Эй, — возмутилась я, — я вообще-то про преимущества спрашивала!

— А нетути их, — осклабился Малюгин, разведя руками. — Лишь повышенная социальная ответственность и толстые папки личных дел в госорганах.

— Так нечестно, — пробурчала я, но меня уже никто не слушал. Сильные мира сего (или не очень сильные, откуда мне знать магическую иерархию?) обсуждали, что делать с моей брэнной тушкой.

— Так, солнышко, сейчас мы тебе защитные амулеты отжалеем, и поедешь домой, — объявил Малюгин.

— Вы поедете к ней домой, — голосом нажал Геннадий Игнатьевич, — и ты лично её отвезешь!

— Делать мне больше нечего!

— Зачем мне в принципе что-то защитное? — забеспокоилась я. — У вас в мире настолько опасно?

— У нас в мире все спокойно, но кое-кто — не будем показывать пальцем — выкинул в окно собственного фамильяра, — Дамиль, похоже, наслаждался моим недоумением.

— И что? — не стала я давить в себе собственнический порыв, — Фамильяр-то мой: что хочу, то и делаю.

— Вот из-за подобного отношения к жизни у Вас и проблемы, Алена, — Геннадий Игнатьевич был строг и категоричен. — Фамильяр обладает собственной жизненной позицией и уникальным характером. Он намного сильнее начинающей ведьмы, и на пренебрежительное отношение может обидеться, а тогда жди беды: он в состоянии и порчу навести, и проклятье наслать, и это только цветочки!

— Я прониклась, правда. Кто ж знал, что кошка мстительная окажется...

— Фетисова!.. — сказать Крокодилу хотелось много чего, но исключительно нелестного.

Я хотела выяснить еще что-нибудь интересенькое, но не успела: мужчины начали колдовать. Первая в моей жизни магия, не считая злополучной пентаграммы, выглядела... никак. Дамиль и Крокодил по очереди помахали вокруг меня руками (без ощутимого эффекта), дали дешевенький браслет — дар ближайшей барахолки — и отправили восвояси. Я не успела ни опомниться, ни даже попрощаться с профессором. Хорошо хоть зачетку машинально схватила.

В машину мы с Чудом садились молча, причем моя сумка снова была не в моих руках. Куда меня везти, Дамиль не спрашивал: у магов, похоже, свои агентурные сети. За время пребывания в гостях я уже поспала и поела, и потому была полна кипучей энергии. Для очистки совести я заглянула в зачетку и — о чудо! (Не к ночи будь Малюгин помянут) — обнаружила там даже не зачет, а полноценную пятерку, причем по экзамену.

— Не, была несправедлива, каюсь. Работает Халява, молодец, родненькая... — пробормотала себе под нос, но мой нечаянный водитель услышал.

— Ты это о чем?

— Да у Кр... Геннадия Игнатьевича пятерку честным путем получить практически нереально, а мне и без ответов привалило.

— Повезло, — согласился Малюгин, — А ты своего фамильяра реально Халявой кличешь?

— Ну да. Я же ночью именно Халяву для зачета вызывала, — нехотя призналась я в преступлении против здравого смысла. — Потом придумаю нормальное имя, когда поймаю кошку.

— Я тебя разочарую: имя ты фамильяру уже дала, и на любое другое он откликаться не будет, — Дамиль смаковал мой конфуз. — Ты представь: фамильяр Халява... Кратко — Хала. Красота!

— Ты из моего кота булку не делай! — обиделась я за питомца и решила отомстить. — У тебя самого-то фамильяр есть?

— Есть конечно! — оскорбился Малюгин и чуть не врезался в переднее авто, хотя обычно водил вполне аккуратно.

— А как зовут? — коварства мне было не занимать, но Дамиль не кололся:

— Если позову по имени, он сюда явится. Хочешь пятнадцать кило волчатины на колени? Я отказалась от такой чести, хотя мысленно заметку про волчатину сделала.

— А в чем смысл фамильяров? Я читала немало фэнтези, но так и не поняла.

— Знаешь, а трудно сказать, — когда Дамиль переставал язвить, то становился вполне сносным собеседником. — Фамильяр отражает внутреннюю суть чародея и является подстраховкой — берет на себя порчи и проклятья, предупреждает об опасности, помогает в ворожбе, выполняет мелкие поручения. Он, по сути, сгусток твоей же силы с характером.

— А характер не зависит от моего? — уточнила я с надеждой. — Ты ведь утверждаешь, что фамильяр — полноправная личность?

— Вынужден тебя огорчить: характер зависит и от тебя, и от имени фамильяра, — Чудо предвкушал следующий вопрос, и я не стала его разочаровывать:

— А какой будет характер у Халявы?

— А не знаю! — фонарь, под которым мы проезжали, уронил рыжий свет на шкодливую улыбку парня. — Наверное, все у него будет на халяву. И у тебя, если ты с ним поладишь.

— Боюсь подумать, какой характер у твоего фамильяра, — Малюгин на провокацию не поддался, оставив меня гадать на кофейной гуще. — А магия — это сложно?

— Не магия, а ворожба, — с серьезным видом поправил он, — Будь патриотичней. И нет, не так сложно. Чародейство — штука больше в душе, а не в руках. Коль родилась ведьмой, — он шутливо подёргал меня за рыжую прядь, — ведьмой и останешься. И смотреть будешь в суть.

Я не нашлась, что на такое ответить, и отвернулась к окну. Оказывается, Геннадий Игнатьевич пришел к нам не под вечер, а уже чуть не в ночи, и теперь на Москву опустились теплые сумерки: апельсины фонарей мягко сияли, привлекая мотыльков и прочую мелюзгу, которая кружила в лучах света в каком-то безумном шаманском танце. Где-то под крышами ворковали голуби; самый большой город страны будто погрузился в оцепенение, и на тротуарах можно было повстречать разве что влюбленную парочку. Вероятно, если бы Малюгин не был такой бездушной скотиной, я предложила бы ему притормозить и прогуляться под звездами, которые в кои-то веки были видны за светом огней мегаполиса...

— Выйдем? — спросил Дамиль. — Тут до твоего дома далековато, но можно и пройтись немного.

Реагировать я никак не стала и просто вылезла из авто, как только оно остановилось. В воздухе разливался нежный аромат жасмина, обволакивая редких прохожих и перебивая тяжелый запах прогретого за день асфальта. Дневная жара спала, и теперь мне в толстовке было немного зябко, но я ни за что не променяла бы эту ночь на тепло салона машины.

— Не мерзнешь? — прозрачно намекнула я Дамилю, что сама стою в кофте, пока он щеголяет в пиджаке. — Или заклинанием греешься?

— Закаляться надо, а не чарами разбрасываться, — он сделал вид, что не понял, как и всегда, когда ему это было выгодно. — Домой?

— Не, — помотала головой я, призывая к порядку склероз. — Молоко.

Малюгин застонал, бесповоротно разрушая окружающую красоту:

— Солнышко, и в кого ты такая ответственная?

— В Геннадия Игнатьевича, — я шутливо его толкнула и направилась в сторону ближайшего минимаркета.

— Что, я тебе уже больше по душе? — догнал меня вопрос, но я лишь покачала головой. За этот день я разговаривала с Чудом больше, чем за два курса института вместе взятые, когда он приходил к Крокодилу в учебные дни; я даже «переспала» с ним! Поэтому воспринимать его стало несколько проще. Но...

— Да нет: ты все тот же, я тоже не меняюсь. Мы разные, Малюгин, и сегодня вместе исключительно по указке Геннадия Игнатьевича.

— Двух таких, как ты или я, Москва бы не выдержала, — заговорщически шепнул он мне на ухо и мстительно добавил, — с-солнышко.

Дверь магазина Дамиль передо мной, разумеется, придержал, показывая публике маску обаятельного засранца. Лучше бы пиджак отдал! Публики в такой час было не много: пара человек сомнительной трезвости в секции алкоголя, припозднившаяся мамочка с коляской да несколько человек того сорта, что после работы готовы податься куда угодно, лишь бы не домой.

Мы с Чудом рассредоточились по небольшому пространству, чтобы нас никто по пьяни не принял за влюбленных. Куда пошел мой сопровождающий, я не следила, но точно не к алкоголю. Я, в свою очередь, запаслась молочкой на пару дней вперед, чтобы не переться сюда завтра, как в школьные времена. К сожалению, магазин был непродвинутым, кассы самообслуживания не было, и пришлось маяться в короткой очереди к обычной. Как нарочно, на горизонте нарисовался Дамиль с хлебной нарезкой, батоном колбасы и солеными огурчиками в стеклянной банке.

— Обслужу одного, потом закрываюсь на перерыв, — прокудахтала кассирша и сделала приглашающий жест Чуду, будто очереди в моем лице не существовало.

— Нам на один чек, — Малюгин лучезарно улыбнулся усталой женщине средних лет, пробившей мое молоко с гримасой серийного маньяка. Та не поддалась и не растаяла, но от щедрот души протянула мне узорчатую коробочку:

— Отдам за полцены.

— Спасибо, не нуждаемся, — кашлянул в кулак Дамиль. Оказалось, что в неловкой ситуации уши у него начинали потешно краснеть.

— Поберег бы здоровье девочки, — тетка оскорбилась тем, что ее порыв не оценили, и не могла не вставить финальные пять копеек.

Во время их диалога я скосила глаза на загадочную пачку. Призом мне стало понимание, что отзывчивые граждане уже в энный раз за день почти уложили нас в постель. После интимного открытия мешкать не хотелось, и я, оплатив покупку прежде Малюгина, рванула к дверям, оставив его разбираться с продуктами.

На выходе мне послышалось мерзкое подхихикивание, хотя вокруг никого видно не было. Решив, что мне померещилось, я шагнула в ночь. Нелогично, но ни магазин, ни подмигивающая огнями Москва больше не казались мне уютными, а в сердце поселилась иррациональная тревога...

— Ну и куда ты умотала? — Малюгин нагнал меня почти у бэхи. Гулять категорически расхотелось, и до машины я добежала в рекордные сроки: и не скажешь, что физрук на меня куклу вуду делал перед ГТО.

— Замерзла, — ведьмы славились мстительностью, и я попробовала отвоевать место первой ехидны.

— Да ладно тебе, все мы люди.

Залезть в машину с покупками оказалось не так просто. Малюгин в упор не желал отпустить пакет со жратвой, а бэха числилась если не раритетом, то заслуженной трудягой, не рассчитанной на издевательства двадцать первого века. Кончилось тем, что Дамиль втиснулся на водительское и второй раз за сутки свел близкое знакомство с моей сумкой.

— Солнышко, вот что ты из себя современную корчишь? — просипел несчастный, выуживая из-под себя верную защитницу моей чести и губительницу чужих достоинств. — Берцы, косуха, сумка с шипами, чтоб ее...

— Да, в один прекрасный момент достали бантики-косички-юбочки, и меня Люда Новикова призвала к эмансипации, — галантерейное изделие было обезврежено и сослано за заднее сиденье, и я с чистой совестью бухнулась на переднее, кожаное. — Вижу, на тебя, Малюгин, косуха произвела особое впечатление?

— Я тебя в ней в первый раз увидел, — признался он. В его словах просквозило что-то незнакомое и душевное; если бы не...

— В косухе ты меня впервые заметил — это под конец-то года. Да и то потому, что мы на лестнице столкнулись.

— Ты мне тогда все ботинки своими вездеходами оттоптала! — припомнил мне Чудо, шурша пакетом. В голосе его прорезалась ностальгия, которую я в тот день не запомнила, когда он очень однозначно отозвался обо мне на лестнице.

— Меня, между прочим, потом еще год металлисткой дразнили.

— Прости, — раздалось справа совершенно неожиданно. Я оглянулась на Малюгина, но тот, вопреки обыкновению, смотрел серьезно. Сей миг был краток! — С другой стороны, мы в расчете. Ведь это ты меня Чудом окрестила?

— В тот день я была еще добрая — не благодари.

— Не стану. Молочка нальешь? — и нехороший человек протянул одноразовый стаканчик, купленный в том же магазине.

А я что? Я ничего. Раз Дамиль и так за мой счет ел, то следовало ему помочь. Потому молока я налила щедрой рукой, взамен получив чисто мужской бутерброд по рецепту хлеб-колбаса в пропорции один к одному.

— А плохо не станет? — спросила я у самоубийцы, откупоривавшего к молоку банку с солеными огурчиками.

— Станет. Потом, — Малюгин сунул мне банку — снять первую пробу:

— Не отношусь к типу людей, живущих одним днем.

— Мне больше достанется, — не стал он уговаривать, прихлебнул молоко и скривился.

— Фу, какая кислятина!

Я, не поверив, последовала его примеру и тоже скуксилась:

— Неужто озабоченная тетка подсунула нам кефир?

— Не гони, кефир вкусный, — возразил человек нетрадиционных кулинарных взглядов.

— А это, солнышко...

От гастрономического откровения меня спас пушистый черный хвост, мазнувший по щеке. По приборной панели прохаживалась Халява собственной персоной и чхать хотела на амулетики Геннадия Игнатьевича. Кошка не издавала ни звука, но смотрела с насмешкой, как на малых детей в песочнице. Заполучив всеобщее внимание, Халява последний раз махнула хвостом, да так, что несколько шерстинок попало в мой стаканчик с молоком, и растаяли сизым дымом.

— ...была порча... — закончил мысль Дамиль и сунулся ко мне в стакан. — Дай-ка сюда.

Несмотря на свои же слова, он пригубил мое питье. Одобрительно хмыкнул и сделал глоток смелее, причмокнув.

— Тебя не смущает, что туда кошка шерстью насорила?

— А ты сама попробуй, — Дамиль милостиво протянул мне мой же стакан.

Пить из него после кошки и Малюгина я брезговала, но уж больно было интересно, почему последний такой довольный. Да, правы были люди: не знаю, как моего фамильяра, а меня любопытство погубит наверняка.

— Молоко. Вкусное, — оценила я, отпив строго со стороны противоположной той, что слюнявил Чудо.

— Именно! — Дамиль вернул стакан «на базу» и закусил огурчиком, — И это означает, что мы зря у Гены день проели-проспали. Фамильяр снял порчу с молока, значит, и тебе пако-стить не станет.

— Стоп, — остановила его. — Про Халяву новость зачетная. А кто порчу навел?

— Без понятия, — Малюгин был спокоен, аки удав Каа, ждущий бандерлогов, и увлеченно выбирал самый хрумкий на вид огурчик из рассола, — Ничего необычного не примечала?

— Да у меня весь день примечательный, что ни шаг — то приключение, — я всплеснула руками, чуть не выбив у соседа банку. — Ну, хихикал кто-то в магазине. Могло и показаться!

— Хихикал? Значит, кикимора, — постановил он. — Нечисть совсем распоясалась.

— То есть меня проклял...

— Навел порчу, не путай понятия.

— Фольклорный элемент? — закончила я. — Мне что теперь, и домовому молоко ставить от греха подальше?

— Как вариант, — Дамиль снова отпил из моего стакана, я не выдержала и отобрала:

— Пей из своего!

— У меня-то порченный. Жадина! — он вернул заветный сосуд, — Ну и пейте сами с волосами! — Малюгин наконец завел мотор, и бэха уютно чихнула, готовая к новым свершениям. До моего дома доехали за несколько минут: после полуночи даже в столице поток машин спадал, оставляя на память о себе лишь выхлопные газы.

— На прощание ничего не скажешь? — парень, затормозив у обшарпанного подъезда, и выразительно поиграл бровями.

— Спасибо за поездку, Дамиль Аркадьевич, — сардонически хмыкнула я, — заказ уже оплачен картой.

— Язва. Да какой я тебе Дамиль Аркадьевич, солнышко? — не стерпел Малюгин, — Мне двадцать четыре!

— Вредный!

— До завтра. Твой телефон у меня есть, Гена дал. Заеду после учебы, — Дамиль усмехнулся, — буду тебя знакомить с нечистью и с Хогвартсом российского разлива.

Прощально махнув рукой, как и утром в кабинете, Малюгин укатил. Мне же осталось тащиться с сумками на свой этаж, костеря ленивца по чем зря. Одна радость — что молока убавилось.

Дома уже все спали. И неудивительно — шел первый час. Мне же еще, по-хорошему, надо было готовиться к оставшимся экзаменам, но сил уже никаких не было, пусть кровать у Крокодила и оказалась зачетная.

Словно в унисон с моими мыслями, телефон пикинул новым сообщением:

«Солнышко, лови краткий справочник по нежити. Изучи на досуге», — номер был незнакомый, но ник гласил гордое «Чудо», и я не смогла противиться порыву, так и забив его в контакты.

Файл-справочник весом в пару гигабайт на проверку оказался сводом народных баек. Я наскоро олистала его и понадеялась, что Чудо просто неудачно пошутил, и Навий или Злыдней* уже не водится, но интуиция — полезное умение попой чуют неприятности — подсказывала, что самые гадские представители нечистых в защите Красной книги как раз не нуждаются. Маясь от безделья, я налила немного молока в миску и, чувствуя себя круглой душой, поставила на полку. Честно говоря, слабо верилось, что таким образом можно задобрить домового, да и составители пособия отметили этот пункт «редко идет на контакт», но уж больно страшными были расписаны кары за неуважительное отношение к домашнему духу. Может, и семейные ссоры были происками потусторонней силы? А я зря на карму грешила.

Раз уж выдалась такая возможность, я попробовала запустить робот-пылесос (безрезультатно) и сварить кашу мелким на утро. И далеко не сразу обратила внимание на шуршание на полке: а там во всей красе развалилась Халява и хлебала чужое молоко.

— Эй, сгусток эктоплазмы, не тебе наливо! — Халява с укором воззрилась на меня грустными голодными глазами, а в голове, по невнятной причине голосом Малюгина, всплыло емкое «Жлоб», брошенное Крокодилу. — А Дамиль не сказал, что тебя кормить надо.

— А и не надо, — вдруг раздался над головой глухой, но поразительно красивый баритон. Я, не вовремя решившая попить водички, поперхнулась. — Балует твой кот, хозяйюшка, ой балует! А за молоко спасибо, уважила старика. Не часто вы, ведьмачье племя, до нас опускаетесь в наши-то дни. Не нужен вам помощник, все бесовское электрическое отродье в дом тащите заместо нас...

Голос все бубнил и бубнил, а я стыдливо силилась запихнуть ногой под стол робот-пылесос, не вовремя решивший проявить хозяйственное рвение, хотя обычно его не добудишься.

— ... А коли надо чего, ты зови, хозяйюшка, подсоблю. И по хозяйству чего, и цветочки полюю, и технику эту вашу бесовскую починю. Я продвинутый, — как в преступлении, признался невидимый домовый, — Ты зверя сосущего из-под стола-то выпусти, я ему мозги-винтики подправил, работать будет на славу...

Я смутилась и отпустила пылесос в свободное плавание.

— Ты только это, хозяйюшка, молока мне больше не наливай, лады? — заговорщически прошептал голос. — Я того, с гиполактазией. Лучше чайку налей аль кофею заморскому... А это пусть твой фамилльяр доест, раз не в терпеж ему, родимому.

— Спасибо, дедушка-домовой, — я наконец вспомнила ритуальную фразу. Ответом мне послужила тишина. Я не стала испытывать судьбу и пошла варить заморский кофе для домового: пылесос — вещь в хозяйстве полезная, пусть работает без эксцессов.

Отобрав у Халявы вылизанную миску, я, поколебавшись, все же её помыла и наполнила кофе. Тот стал убывать прямо на глазах: я в благоговении уставилась в пустоту.

— Не стой над душой, — буркнул баритон.

Я отошла, чтобы не портить нелюдю аппетит, и, словно живой, на столе затрезвонил телефон. Звонила Новикова.

— Привет, Люд.

— Привет. Насколько поняла, тебя можно поздравить и записать в наш дружный ковен?

Из нашей компании — меня, Кати и Люды — последняя была самой неприметной на первый взгляд. Отличница-активистка, она умудрялась оставаться в тени и не отвечать, предпочитая вторые роли. Но принципы у Людки были железные, а мозги — не чета моим.

— Похоже, — молоко никак не желало закипать. — Ковен и есть ваша таинственная работа, куда меня в свое время не взяли? Обо мне сама догадалась?

— Нет, ковен — больше кружок по интересам. Основная работа идет с наставниками, — Люда была сама невозмутимость. — А про тебя Дамиль написал в местный чат, искал куратора.

— Какого куратора? — заинтересовалась я.

— Куратор-наставник вводит новичка в мир ворожбы, — Люда говорила, как зачитывала с конспекта, — рассказывает основы мира, ходит на первые задания, контролирует обучение. После, если ученик проявит достаточное рвение и усердие, по обоюдному согласию сторон сможет стать напарником своего куратора при разборе дел...

— Каких дел? Меня пошлют служить у ментов?

— Конечно, — заверила подруга, пусть и без энтузиазма. — Учеба неотделима от практики, а практика лучше всего усваивается при нарушении закона. Обучение идет на чужих ошибках.

— Всегда мечтала поработать сыщиком, — вот было, было, у меня подозрение, что не все так радужно, как описывают в книгах. — Ладно, про практику мне куратор расскажет... Кстати... Ой, мать твою... большеберцовую кость!

— Порядок?

— Да обожглась, — пока я бегала держать палец под холодной водой, молоко вздумало убежать, однако его порыв к свободе пресек кто-то бдительный и, что уж греха таить, не такой косорукий, как я. — Спасибо, бабушка-домовой, — шепнула я в сторону и продолжила уже в телефон, — Хотела спросить, почему ты инфу, как лекцию Крокодил читаешь? Устав наизусть заучивала?

— Нет, но это и есть лекция от Крокодила. Он мой наставник, — в голосе Люды гордость мешалась со скорбью. — Представляешь, какой ужас был, когда он первую неделю меня по инструкции круглосуточно пас?

— А кто мой куратор? — в моих мыслях витали образы умудренной опытом старой ведьмы, или видного профессора, похожего на нашего Крокодила, или сурового воина, смахивающего на ведьмака Геральта...

— А ты как считаешь?

— Я считаю, как учила родная Пятерочка: один плюс один равно три. Хотя мир с моей арифметикой чаще бывает несогласен. Так что с куратором?

— У нас долго не думали, раз он все равно тебя домой вез. Сам почти подписался... — усмехнулась Людка. — погоди, а Малюгин что, не сознался?

* Навьи — души умерших предков, которые не нашли покоя и возвращаются в мир живых. Они являются олицетворением смерти и болезней. Особенно опасны навьи в периоды эпидемий и голода, когда их появление считалось предвестником бедствий.

Злыдень — злой дух, живущий рядом с человеком и постоянно досаждающий ему мелкими неприятностями: ломает вещи, портит еду, приносит неудачи.

* Навьи — души умерших предков, которые не нашли покоя и возвращаются в мир живых. Они являются олицетворением смерти и болезней. Особенно опасны навьи в периоды эпидемий и голода, когда их появление считалось предвестником бедствий.

Злыдень — злой дух, живущий рядом с человеком и постоянно досаждающий ему мелкими неприятностями: ломает вещи, портит еду, приносит неудачи.

Глава 3. О ночных визитах и недобрых знамениях

— О боже, какой мужчина! Сейчас огребет, скотина! — напевала я, набирая номер. Малюгин, как ни странно, ответил сразу.

— Солнышко! Не смогла не спросить, как доехал? Или случилось что? — отозвался наглый тип.

— Ты случился, Малюгин. Ни в чем не хочешь признаться?

— Не пил, не курил, не изменял, — отчитался тот. — Короче, не успел так накосячить, чтобы ты меня по фамилии обзывала.

— Мне птичка напела, что кое-кто взял кураторство... — начала я.

— Наглая ложь! Кое-кому кураторство всучили! А потом догнали и еще раз дали, — пожаловался он.

— Дамиль, — я первый раз назвала его по имени, и поэтому получилось более проникновенно, — скажи, ты где совесть потерял?

— Поищи под окошками.

Я и впрямь подошла к окну, так как Чудо при всей своей болтливости слов на ветер не бросал. И там меня ждал сюрприз: четко у меня под окнами припарковалась печально известная нашему институту бежевая бэха.

— Ты что, стоишь у моего подъезда?

— Нет, оставил машину для прикрытия, — фыркнули снизу. — Спи давай! — и Малюгин отключился.

Пока я доваривала кашу и собиралась спать, сладко фантазировала о том, как Дамиль, в костюме, при галстук и с остатками укладки, ночь напролет жметесь на сидении машины, сторожа меня от неизвестных напастей магического — пардон — ведьмачьего мира. Еще через полчаса я перестала быть настолько уверенной, что ситуация смешная. Когда занялся ранний летний рассвет, я не выдержала и, накинув полюбившуюся Чуду косуху прямо поверх пижамы, пошла на улицу.

Стоило мне открыть входную дверь, как Малюгин собственной персоной шагнул через порог:

— Ну ты даешь, солнышко. Я уже начал сомневаться в твоём человеколюбии.

— Ты что, под дверью ждал все это время? — я была в возмущении от того, что широкого жеста не вышло.

— Не, около получаса, — подмигнул Чудо, — Я ж помню, что ты меня терпеть не можешь.

— В уборную надо? — я вспомнила, как он рванул в сортир в доме Крокодила, и решила помочь человеку: вдруг стесняется?

— Зачем? — не понял Малюгин.

— Ты же у Геннадия Игнатьевича устроил спринтерский забег.

— Солнышко, я тебе поражаюсь... У Гены в сортире точка силы, я охранку включал.

— А... Логично, — признала я.

— Нет, но точки силы возникают стихийно.

Меня так и подмывало спросить, а в каком месте повезло нашему дому? Но подумала, что смогу это выяснить позже, хотя бы когда рассветет. Так и так Малюгин от меня неделю никуда не денется. Потому, поколебавшись, но не решившись оставлять гостя на кухне, я провела его к себе в комнату.

— Ого, зачетно, — одобрил он.

По стенам вместо модных сейчас постеров висели детские рисунки: некоторые — совсем неумелые, когда маленькие пальчики еще только-только учились держать непослушный карандаш, в более поздних уже чувствовался характер: сложные цвета, более умелый рисунок...

— Средняя сестра учится в художественной школе.

— А-а. Думал, сама творишь, — я не стала признаваться, что мой единственный рисунок едко высмеяли одноклассники, после чего искусство было для меня закрыто.

— Ложись, — я скинула на пол толстое и жуткое лоскутное одеяло, которое не доставала из глубин шкафа даже когда отключали отопление, скрепя сердце рассталась со второй подушкой и колючим, но втайне нежно любимым пледом из верблюжатины.

— Ты что, предлагаешь мне спать на полу? — ужаснулся Малюгин, глядя на меня глазами бродячей собаки на морозе. — Мы же уже провели ночь в одной постели!

— Это был день, давно и неправда, а постель — чужая. В свою не пушу!

— А я не буду спать на полу!

— Ладно, — я поменяла подушки местами и сама легла на пол. Пусть ему будет стыдно! И неважно, что мы всей семьей регулярно ходим в походы, и спать на земле мне не привыкать.

Малюгину стыдно не было. Вскоре в комнате уже раздавалось его мерное посапывание. Сама я тоже задремала, внутренне благодаря судьбу, что Чудо хотя бы не храпит. Уплыть в небытие мне не дал знакомый баритон:

— Давай, мочи гада! Иш ты, выгнал хозяйшку с кровати, а еще мужик! Да в давние времена, да за такое... — приоткрыв глаза и плохо коннектясь с реальностью, я наблюдала, как наускиваемая домовым Халява пристраивается к подушке Малюгина с той же грязной целью, что и недавно к фикусу Крокодила. — Давай!

— Только попробуйте — развею! — сонно раздалось из кровати. Дальше у комедии в трех действиях зрителей не было — я скоропостижно уснула.

Утро у меня началось с затекшей спины. Рука тоже онемела, но согнуть ее не представлялось возможным: на ней лежали. Решив, что кому-то из мелких снова приснился кошмар, я покрепче обняла соседа по кровати, мысленно подивившись тому, как быстро растут дети. И тут над ухом раздалось хрипловатое:

— Знаешь, солнышко, говорят, что один раз — случайность, два — совпадение, а три — закономерность. У тебя остался один раз. Выводы делайте сами...

Я резво села, и Малюгину пришлось проявить недюжинную реакцию, чтобы удержать меня на узкой полуторке.

— Ты что тут делаешь?!

— Ты меня сама сюда положила.

— А я что тут делаю? — исправилась я.

— А я тебя переложил. Из милосердия, — Дамиль поймал мой недоверчивый взгляд и поправился. — И потому что твои питомцы собирались мне грязно мстить.

— Хитер, — донеслось из ниоткуда от домового.

От четвертования Чудо спасла моя мама, решившая не вовремя проявить родительские чувства. Застав свою скромную, невинную девочку в кровати с незнакомцем, родительница опешила. Положение спас Малюгин, но лучше бы молчал в тряпочку:

— Простите, мы не одеты!

Мама в шоке закрыла дверь с другой стороны. Я же напустилась на Чудо:

— Ты sdурел? Что обо мне родные подумают?

— Окстись, не в девятнадцатом веке живем, — отмахнулся бессмертный, не подозревая, что за дверью мама примеряет на себя роль злобной тещи, — И советую поторопиться, иначе в универ опоздаешь. Кстати, клевые таксы на пижаме, — догнал меня в дверях его голос.

— Изначально это были Йоркширские терьеры, но потом я выросла, — и я оставила его размышлять над загадками эволюции.

Второй день подряд пришлось собираться буквально на ходу. Завтракать я уже не успевала, а если учесть, что вчерашний день мне послал лишь полпачки сырых пельменей и бутерброд, настроение у меня было как раз подходящее, чтобы ехать с Дамилем. Тот не стал испытывать терпение моей родни и шустренько смылся из квартиры.

— Аля! — Мама поймала меня на выходе, — я, конечно, понимаю, что ты взрослая, но, если тебе важно мое мнение... твой парень мне не нравится.

— Мне тоже, — согласилась я и выбежала на улицу. Вслед мне донеслось чуть слышное:

— Берегись лукавого, хозяйюшка, — и я мысленно согласилась с домовым, что рядом с Малюгиным надо держать ухо востро. Хотя до лукавого ему далековато.

— Нет, ну чувствую себя извозчиком, — ворчал Дамиль, заводя машину. Я догадывалась, что он придурился, но все равно тянуло сделать гадость ближнему. — Мне за тобой еще целую неделю таскаться! Словно у меня своих дел нет!

— А как же работа? — я вдруг поняла, что практически ничего не знаю о Чуде: в институте ходили разные байки, включая истории о сыне дона мафии и сплетни о внебрачном ребенке самого Геннадия Игнатьевича. Но я сильно сомневалась, что что-либо из этого было правдой: и если историю про мафиози еще можно было принять на веру, то любвеобильный Крокодил — это нонсенс!

— А на работе — отпуск за свой счет, — пожаловался Дамиль и, предугадывая следующий вопрос, ответил. — Я банковский аналитик. Ну и ведьмак на полставки.

Малюгин зарулил на обочину под раздраженное бибикание сонных водителей и вылез из авто, заперев меня внутри. И ушел в неизвестном направлении. Я же, пока этого зверя нету, решила чуток поэкспериментировать:

— Халява! — стусок теней на краю приборной панели налился жизнью и сформировался в кошку. — Иди сюда, проглоти. Не будем же мы, как чужие, прятаться друг от друга.

Кошка мне досталась шпионская — не проронила ни звука, но покорно пошла гладиться. Было у меня ощущение, что эта поганка делает мне одолжение! Но совесть, — редкий в наши дни зверь, — очнулась от анабиоза и напомнила, что из нас двоих больше пользовалась ею я, чем наоборот.

Стоило мне расслабиться, а фамильяру — прогреться, как один из прохожих обрушился прямо на капот нашей бэхи. Похоже, человек перебежал дорогу и не рассчитал скорость, когда один из водителей резко прибавил газу. Кошка зашипела.

— Простите, — одними губами через стекло произнес парень в толстовке, неуловимо похожей на мою, и виновато улыбнулся. Что-то в нем меня царапнуло (хотя бы то, что он чуть не попортил авто, в котором я сидела), да и улыбка у него была какая-то натянутая: видно, у человека с утра день не задался. Однако я благосклонно махнула рукой: мол, машина не моя, иди, болезный. Бесчувственная Халява выгнула спину дугой, а шипение переросло в рычание. Парень покосился на бешеное животное, еще раз мельком мне улыбнулся и отправился дальше по своим делам.

— Ты что, вредина? Ядом от Малюгина заразилась? — я неумело почесала кошку за ушами, но та все не успокаивалась, а после и вовсе растаяла в воздухе.

— Держи! — в машину вернулся Дамиль и сунул мне в руки стаканчик какао и пакет с выпечкой.

— С чего такая щедрость? — поразила я.

— Вчера я ел за твой счет, теперь отдал долг и с чистой совестью могу и дальше портить тебе жизнь.

— Спасибо, — вчера я не придавала значения покупке, привыкнув ходить по магазинам с девчонками, где каждый по очереди оплачивал покупки, а деньги особой роли не играют. Но неожиданный жест Дамиля оказался... буду честна: приятным.

Пока я занималась самоанализом, в народе попросту названным самокопанием, бэха катила в сторону моего универа. Так вышло, что жила я почти на другой стороне города и, чтобы добраться до цели, нужно было ехать либо через центр, заполненный пробками и загазованный до отключки, либо через МКАД с его бесконечным потоком, в котором чувствуешь себя белкой в колесе. Дамиль выбрал третий вариант: доверился навигатору и поехал дворами.

Я слышала, что большинство современных москвичей терпеть не могут скучные пятиэтажки, и их можно понять: квартирки крошечные, балконы чуть ли не осыпаются и дома липнут друг к другу. Что до меня, то я всей душой любила тихие кварталы, маленькие дворики, заросшие сиренью, где ещё можно услышать пение соловья и где мощные деревья, достающие верхушками до последних этажей, переплетаются ветвями над узкими проезжими дорожками. Теперь тут витал дух запустения: многие дома уже расселили и готовили к сносу, но оттого они мне казались еще милее и родней.

Вскоре мы выехали в новые модернизированные районы. Повсюду виднелись стройки, но было ещё слишком рано для работы, и подъемные краны, как уставшие жирафы, стояли возле панельных новостроек неподвижно. Один кран в зелено-фиолетовую полосу мне особенно не понравился, и я поспешила отвернуться.

Новые комплексы тянулись и тянулись... Одинаковые дома-гробы наводили уныние. Вот промелькнул такой же кран вырвиглазной расцветки, и снова замелькали дома.

— Дамиль, а мы правильно едем? — осмелилась я спросить через несколько минут, почти дождевав выпечку из пакета — Малюгин не пожалел денег на круассаны, и я была добрая.

— Да, — не отвлекаясь от дороги, он мельком сверился с навигатором. — А что?

— А то, что мы один и тот же кран четвертый раз проезжаем.

Дамиль уставился в лобовое стекло и нахмурился.

— Который?

— Зеленый с фиолетовым, вон, справа виднеется образина.

— Понаблюдай еще. Если появится — говори.

Через несколько минут бдения я просигнализировала — уродливая махина снова замаячила на горизонте.

— Черт! — Дамиль резко вывернул руль и подкатил к обочине. — Сейчас разберусь.

Он начал рыться в бардачке, выуживая на свет самые примечательные предметы: коренья, пучки неизвестных мне трав, разноцветные шнурки...

— Навигатор сломался? — предположила я.

— Нет, — Заблудье. Нечисть четвертого порядка. Неприятная, но не опасная. Максимум, что заработаем — паранойю; походим несколько дней, подозрительно оглядываясь, и пройдет, — Дамиль с кряхтением распрямился, и половина содержимого бардачка просыпалась на пол. — Да что ж такое! Как проклял кто!

— Помочь? — я слабо представляла, что надо делать, не уделив должное внимание справочнику, но сидеть без дела мне претило.

— Да нет, — отмахнулся Чудо. — Я даже не понимаю, почему оно с нами связалось. Чует же, что мы колдуны и в два счета от него отделаемся.

Он уже хотел выйти из машины с красным шнурком в руках и травкой, в которой я со второй попытки распознала полынь, но я схватила его за пиджак:

— Не ходи!

— Солнышко, ты чего? Я же ведьмак, для меня вшивое Заблудье — на один зуб! — Дамиль со снисходительной улыбкой отцепил от себя мои пальцы и открыл дверь.

...Предупреждение домового; странный тип у авто; вчерашняя тревога; отчаянное ишиппение Халявы; мелкая, почти безобидная нечисть, питающаяся чужой паникой, вдруг переходит дорогу опытному ведьмаку...

— Малюгин, придурок! Остановись!

— ... Придурок, остановись! — Я изо всех сил дернула его обратно, перегнулась через плюхнувшегося на сиденье парня и попробовала захлопнуть дверь... но не смогла! Кто-то — и я не хотела знать, кто — держал ее с другой стороны. И в этот момент меня за руку схватила чья-то лапа — холодная, влажная и склизкая. Было такое ощущение, что в меня вцепилась огромная мерзкая лягушка! Вообще я всегда спокойно относилась к земноводным, но сейчас захотелось по-девчачьи завизжать. Хорошо, я хоть ЭТО не видела.

— Малюгин! Убери от меня эту тварь! — получился сиплый хрип, но сосед услышал, и, не глядя, пнул вбок ногой. Конечность монстра соскользнула по моей руке на собственной слизи и задела браслет от Крокодила, который я забыла снять на ночь. Тот раскалился, и, наткнувшись на него, лапа дернулась, словно обжегшись.

Улучив момент, Малюгин с силой захлопнул дверь, прищемив существу хваталку. Послышался противный хруст, от которого меня передернуло. В ту же секунду распахнулась дверь уже с моей стороны, и меня обдало замогильным холодом...

...Это была девушка лет четырнадцати-пятнадцати, худенькая, невысокая, с тусклыми, некогда каштановыми волосами. На остром личике навсегда застыло выражение непонимания и боли, а на шее была видна странгуляционная борозда — след от веревки — белесосерая и четкая. Видимо, девочка повесилась — отстраненно отметил профессиональный медик внутри. Пустые рыбы глаза смотрели сквозь меня, а бледные тонкие губы беспрестанно шевелились, временами обнажая острые зубы...

...Хорошо, что у Дамиля травки были наготове. Он метнул их через меня в девицу и, когда та, зашипев, отшатнулась, газанул с места, не закрывая двери.

— Езжай назад! — велела я.

— Почему?! — крикнул Дамиль, чтобы перекрыть свист ветра.

— Ловушка! — от шока меняхватило только на два-три слова, но Дамилю больше и не требовалось. Слушая меня вместо голоса разума, он развернулся и рванул обратно в район пятиэтажек.

Я, трясущимися руками в зеленовато-бурой слизи, вытряхнула на колени последний круассан и со словами:

— Спасибо тебе, Заблудье, — выкинула его, а потом с трудом защелкнула дверь со своей стороны. На секунду стало неловко перед Дамилем — все же его подарок. Но круассан не успел упасть на землю, и как растаял в воздухе.

Очевидно, нечисти пришелся по вкусу дар французской кухни, потому что после пятиэтажек мы выбрались на людную дорогу за считанные минуты, тогда как очнувшийся навигатор уверял, что до цивилизации нам еще пилить и пилить.

— Алена, ты в порядке? — спросил Малюгин, стоило нам оказаться в относительной безопасности широкого проспекта. Я кивнула: в горле стоял комок, перед глазами — лицо мертвой девочки.

— Знаю, упыри — противная штука, мертвые же...

— Я не боюсь трупов. В анатомическом театре мы уже через месяц пиццу всем потоком ели, — я попробовала пошутить, но неосмотрительно опустила взгляд на руки, покрытые слизью, и меня чуть не стошнило. Я поспешила найти какую-нибудь ветошь, чтобы поскорее избавиться от этой вонючей гадости, но в пижонской бэхе не было места хламу.

— Ну-ну, Аля, ничего, — приговаривал Дамиль, стягивая пиджак. И куда только подевалось противное «солнышко»? Малюгин стал нежно вытирать мне руки дизайнерской тряпкой. — Все хорошо, ты молодец. Прекрати трястись, как цуцык.

Малюгин закончил с моими руками и брезгливо бросил пиджак на заднее сиденье. Потом бережно пригреб несопротивляющуюся меня под бок и набрал номер на телефоне.

— Дима, у меня сейчас лекция. Чего тебе? — возмутилась трубка голосом Геннадия Игнатьевича. — Ты знаешь, что твоя подопечная сегодня не соизволила явиться на занятия?

— Знаю. Потому что она сейчас отходит от нападения упырей, — отрезал Дамиль. — Да, Гена. Происшествие второй степени. Сворачивай лекцию и дуй к себе — мы скоро будем.

— На что конкретно был похож, как Вы утверждаете, упырь? — переспросил у меня дотошный лысеющий тип, который вот уж полчаса терзал меня расспросами на кухне у Геннадия Игнатьевича.

— На труп, — я уже отошла от утреннего потрясения, но подсунутые сочувствующим Крокодилом конфеты в горло все же не лезли. Наверное, я раз сто мыла руки: всё терла и терла их мылом над маленькой раковиной в профессорской ванной, а мне все казалось, что они скользкие от потусторонней слизи.

— Как Вы определили, что именно на труп? — уточнил въедливый тип.

— Георгий Анатольевич, отстаньте от нее. Вам же сказали: девочка — медик, уж труп-то она распознает, — на кухню вошел Чудо и встал за спинкой моего стула, успокаивающе положив теплые ладони мне на плечи, — Я дам все показания.

— Дамиль Аркадьевич, Вы, при всем моем к Вам уважении, — Георгий Анатольевич многозначительно поморщился, разглядывая Малюгина, в особенности – перепачканный бурой слизью пиджак. — Вы ведьмак. Оперативник, так сказать. Так что предоставьте работу сыщика профессионалу. Тем более, что подопечная у Вас тоже специфичная, — мужчина покивал на меня, судорожно сжимающую руку Кости.

— И что тут такого? Кто-то тискает собачек, кто-то — резиновые антистрессы, а я — скелет. Это не повод на меня коситься.

— Хреновый из Вас профессионал, — отрубил Малюгин. — Вы дело о буйстве нечисти полгода расследуете, а результата, — Дамиль хотел было сложить из пальцев кукиш, но заметил на подоконнике Халяву и фикус, — кот накакал.

— Куда? — забеспокоился Геннадий Игнатьевич и кинулся к драгоценному фикусу (я не поняла, он его, как Костю, каждый день с работы домой таскает?), но Халява успела свершить задуманное.

— Геннадий Игнатьевич, думаю то, куда сходило вместо лотка Ваше животное, к делу не относится, — Георгий Анатольевич покровительственно обернулся вполоборота к Крокодилу; в то же время Малюгин — я затылком почуяла — стал отчаянно посылать Крокодилу пси-сигналы. — Лучше вернемся к нашим...

— Мертвякам, — подсказал Дамиль.

— Именно! И как же Вам удалось от них отбиться? У Вас ведь не было особой защиты, насколько я понял? И даже обязательной стандартной... Верно, Дамиль Аркадьевич?

Чудо промывчал утвердительно, не удостоив Георгия Анатольевича развернутым ответом.

— Нам помогло... — я думала рассказать про предупреждение Заблудья, но хватка Дамиля на моих плечах усилилась, а внутри словно блок поставили, — везение, — неуклюже закончила я.

— Фортуна вообще дама капризная, но, если знать подход... — затрещал Малюгин, чтобы заполнить паузу. Похоже, его треп был одним из способов нейтрализации противника.

— Ваш бывший ученик, — следователь повысил голос, чтобы заглушить Дамиля, и подчеркнуто обратился исключительно к профессору, — мешает мне вести допрос, хотя сам был отстранен от работы над делом по решению специальной комиссии.

— У Вас остались вопросы к моей студентке? — не стал комментировать это заявление Крокодил. — Если нет, то, думаю, можно оставить девочку в покое. Такой шок сложно пережить: видите, какая она бледная?

Я хотела заметить, что это у меня цветотип такой: рыжая, светлая, и отнюдь не ранимая... С другой стороны, Геннадий Игнатьевич не стал бы бросать слов на ветер, поэтому я

эффектно изобразила умирающего лебедя. Судя по искривленным губам следователя, лебедь получился сразудохлым.

— Алена Викторовна, — пересилил себя мужчина, — я бы Вам посоветовал сменить куратора на более подходящего и ответственного. Могу предложить свою кандидатуру или кого-либо из своих коллег...

«Да, да, да!» — хотелось закричать мне. — Мужик, дай мне хоть кого-нибудь: желательно нормального, спокойного и без чувства юмора!»

Потная лысина следователя блестела от пота, чем напомнила мне склизкую лапу упыря. Меня передернуло от отвращения. Вдруг на память пришли круассаны и напрочь испорченный пиджак, а руки на моих плечах стали будто сильнее давить.

— Спасибо за предложение, Георгий Анатольевич, но я, пожалуй, откажусь. Привыкла терпеть нынешнего.

Малюгин за спиной одобрительно крикнул, а Геннадий Игнатьевич закатил глаза.

— Как знаете, Алена Викторовна. До свидания. И удачи Вам на ведьмовском поприще, — увлекаемый Крокодилом, следователь вышел, не попрощавшись с Дамилем.

— А могла бы от меня отделаться, — стоило опасности миновать, Дамиль вышел из-за моего стула, и бухнулся на соседний. — Что так затормозила?

— Ты, Малюгин, зло привычное, — отшутилась я — не раскрывать же перед ним все свои резоны. — За что тебя поперли из расследования?

— А, это... — Чудо помрачнел и совершенно мальчишеским жестом взъерошил волосы, добив укладку. — Понимаешь, солнышко, кроме характера у меня есть еще одна пренеприятная черта: я никогда не держу язык за зубами и всегда говорю подлецам правду в лицо. Вот и когда у нас появилась перспективная ниточка в деле, начальство велело выжидать, и никого не заботило, что подозрительные упыри могут сожрать пару человек посреди столицы. Сидели мы, сидели, выжидали-выжидали... Чуть не проворонили момент, когда упырь напал на гуляющую шпану. Мы с Геной подростков тогда отбили, а мертвяки потом как сквозь землю провалились. А когда пришло время искать виноватого, мы с Игнатьичем решили, что он в деле нужнее, и все шишки достались мне. А я на заявление *Георгия Анатольевича*, — Малюгин выплюнул имя следователя, как ругательство, — что якобы я в ответе за провал операции, заявил, что он трус и крыса... Так и живем.

В конце исповеди Дамиля в комнату вернулся недовольный Крокодил:

— А теперь, молодежь, выкладывайте как на духу!

Прослушав полную версию событий, Геннадий Игнатьевич обратился ко мне, хотя я тут знала немногим больше следователя и толку от моей персоны было ровно столько же:

— Говорите, Фетисова, булочку из машины выкинули? — у меня появилось чувство дежавю: как и вчера в кабинете, я ни черта не понимала.

— Ну да... Круассан. Заблудье нас по-своему предупредило, не дав проехать дальше, я и его отблагодарила.

— А вы не думали, Фетисова, что оно наоборот — удерживало вас на месте засады?

В этом направлении я и действительно не думала, но по здравом размышлении версию отвергла:

— Не сходится. Было бы логичнее, если б упыри на нас напали, а мы не смогли бы проехать дальше. А в нашем случае все вышло наоборот: мы долго не могли попасть в засаду, а от погони ушли быстро, — я обернулась к Малюгину. — Или, думаешь, упыри опаздывали?

— Вряд ли, — согласился со мной он. — Упырям, как неразумной нечисти, не свойственно планирование или мышление как таковое. Я в принципе не представляю, откуда у них такая активность и организованность в последнее время?

— И мы переходим ко второму вопросу. Почему нежить, черт ее побери, вас спасла?

— Нежить и нечисть за исключением, разве что, домовых, никогда не помогает людям, — объяснил мне Малюгин. — А Заблудье считается одним из относительно безобидных, но неприятных представителей иного мира, и ни под каким предлогом не идет на контакт. Колдунов нечистые терпеть не могут, потому что мы заведомо сильнее; конечно, бывали разные случаи: и дружбы, и сотрудничества, суть-то у нас одна, — но их можно по пальцам пересчитать. Возможно, сыграла на руку твоя дружба с домовым, но... — Дамиль обернулся к Геннадию Игнатьевичу.

— Но вероятнее всего, сейчас происходит что-то такое, что даже нежити не по душе, — закончил тот.

Глава 4. О чудачествах сверхъестественного и облагораживающем труде

— *Но вероятнее всего, что сейчас происходит что-то такое, что даже нежити не по душе,* — произнес Геннадий Игнатьевич. Тут раздался оглушительный мям, и у порченного фидука снова материализовалась Халява.

— Фетисова, утмири свою...

— Гадуку, — подсказал Малюгин. — У нас на повестке еще один крайне важный вопрос: куда делась с моей машины стандартная защита? Не кривись, Гена. Я, конечно, придурок, но не дурак, чтобы разъезжать без прикрытия, — он хотел продолжить, но Халява напомнила о себе противным воплем, опять пристраиваясь под многострадальный куст.

— Бестия нечистая! — не выдержал Геннадий Игнатьевич. — Чем ты занимаешься, животное?! У фамильяров вообще нет понятия выделительной системы!

— Да?! У меня она на днях миску молока вылакала, — удивилась я. — Заправилась, значит...

Крокодил думал распинаться и дальше, но Малюгин, переменившись в лице, дернул его за рукав и бешено замотал головой. Геннадий Игнатьевич вопросительно поднял брови, и Дамиль махнул на выход из квартиры:

— Раз уж эта кошка нам житья не дает, давайте прогуляемся.

Покидали квартиру Крокодила быстро и молча, хотя вопросов у Геннадия Игнатьевича накопилось море, что уж говорить обо мне. Однако Дамиль не собирался нам ничего объяснять и шел вперед, непрерывно оглядываясь. Стоило нам выйти на улицу, я на автомате рванула к бэхе, но Малюгин, развернул меня к потрепанному москвичу, а увидев на капоте машины шипящую Халяву, чертыхнулся, и потащил вконец ошалевшую меня и выпавшего из реальности Крокодила обратно к своей машине. Мы носились, как последние олухи, между двумя авто под подозрительными взглядами вчерашних бабушек у подъезда.

— Геннадий Игнатьевич, что стряслось, дорогой мой? — обратилась к профессору местная лидер группы московского долголетия. Крокодил указал на Дамиля, и бабушка понятиливо кивнула — ей приходилось сталкиваться с Чудом.

— Малюгин, ты сдурел? — не выдержала я, пока меня упихивали на переднее сиденье бэхи. Бабушки забеспокоились, но я махнула рукой: со своими Чудесами разберемся сами. — Определись уже!

— Помолчи, солнышко. Я нервничаю! — процедил он, особенно садистским движением захлопывая дверь и обегая капот.

— Чудовище! — стоило ему сесть, как я треснула его по плечу. Хотелось по голове, чтобы точно дошло, но я была врачом. — Лучше бы я сама села!

— Считай, что я проявил галантность!

— Молодежь, а вы никого не забыли? — возмутился Геннадий Игнатьевич, втискиваясь на заднее сиденье и тут же ойкая. Мы с Чудом переглянулись и солидарно сморщились: Крокодил встретился с оставленной мною вчера сумкой. — Дима, твои метания я комментировать... не буду. Куда теперь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.